

ПЕТЛЯ РАЗУМА



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДЭВИД ИСАЕВ

Дэвид Исаев

Петля разума

«Автор»

2020

Исаев Д.

Петля разума / Д. Исаев — «Автор», 2020

Капсула - препарат, не имеющий собственного наименования, разработанный группой неизвестных ученых в целях борьбы с амнезией. Препарат, позволяющий вновь прожить, запечатлевшийся как счастливый в участке мозга, фрагмент жизни. У Рика нет проблем с провалами памяти, ему бы наоборот - забыть все произошедшее. Однако прошлое - это единственное место, имеющее для него ценность. Капсула - то, ради чего Рик все еще не ушел в след за ней. Капсула - чтобы вновь пережить прожитое, хотя бы на день. Он не знает, в какой именно перенесется на этот раз, но уверен, что будет счастлив. Маленькая, цвета изумруда, капсула - единственная возможность вырваться из этой петли...Содержит нецензурную брань.

© Исаев Д., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Капсула	6
Глава 2. Приют	10
Глава 3. Мия	11
Глава 4. Армстронг	13
Глава 5. Жизнь вне	17
Глава 6. Реальность	20
Глава 7. Воспоминания	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дэвид Исаев

Петля разума

– Рик, как ты думаешь, я реальна? – спросила она.

– Не знаю. Я уже не знаю, реален ли я сам.

Глава 1. Капсула

Рик проснулся в холодном поту. Несколько мгновений он потратил на осознание всего. Того, чего он лишился, чего сейчас у него нет. В глубине души, ему было известно, кто во всем виноват, но он уже устал корить себя за это, уж слишком много времени у него было после того события, чтобы полностью разобраться во всем, раскаяться. Тяжкое бремя, в виде заезженных размышлений, убивала его; он был не в ладах со своими ужасами внутри головы. По этой причине приходилось прибегать к этому. То, о чем даже подумать было бы стыдно в прошлой жизни.

Маленькие, цвета изумруда, капсулы. Названия Рик не знал, да и смысла не было в этом сейчас: что-либо знать, изучать, думать о чем-то. В настоящий момент будет здорово нащупать рядом флакончик с капсулами. Да и обнаружить по близости остатки вчерашней еды, то есть бутербродов и всякой прочей еды быстрого приготовления, доставило бы ему небольшое облегчение. Ведь в худшем раскладе вещей, он будет вынужден покинуть свое забытое Богом убежище, некогда привлекательный, ныне заросший, весь в мусоре, пыли и паутинах, напоминающий тем самым самого Рика, загородный дом. От прежней солнечной и теплой атмосферы, витавшей здесь некоторое время назад, остался лишь больной рассудок, прокручивающий вновь и вновь эти воспоминания. Это место служило новым пристанищем Рика, совсем не похожее на тот дом, где все было безмятежно. От этих мыслей ему становилось тоскливо, хотелось закутаться в свое потрепанное запятнанное одеяло, и забиться в угол у одной из стен этого холодного места, пропитанного сыростью и тоской.

Они редко бывали здесь. А если быть точнее, всего дважды. В первый – когда были совсем юными, только исследующими окружающий мир. Рик прекрасно помнил те ощущения, ведь он уже успел испытать их еще раз. Помнил, как приехали на такси, этот заросший двор, просторную веранду с простым столом и двумя креслами качалками, и кругом гора пыли. Внутри вся мебель была накрыта простынями. С первых секунд знакомства стало ясно, что требовалось немалое время, чтобы привести дом в порядок. Поэтому было принято решение, что обязательно все отдраят, но только не в этот раз. И, немного насладившись духом природы, уехали. Зато во второй раз они уже имели представление, с чем будут иметь дело, и были явно лучше подготовлены. Потратив весь день на уборку, они так и остались здесь ночевать, однако поняли, что им еще рано здесь жить. Уж слишком много времени они провели в подобных условиях. Им хотелось драйва, эмоций, городской суеты. И, несомненно, когда все новые ощущения, открывающиеся в городской жизни, превратятся для них в рутину, они проведут здесь намного больше времени. Только все это будет в другой раз. Другой раз, которому не суждено было случиться. Он все это прекрасно помнил, как будто все было вчера. Возможно, он был прав.

Попытка приподняться отразилась резкой режущей болью в висках. Голова сейчас казалась ему самым тяжелым, что ему приходилось держать на своих плечах.

– О Господи, что же я с собой делаю?! – завыв Рик в очередной раз, но боли в этих словах было ни капли не меньше, чем в первый. Отчаяние, от которого волосы встали бы дыбом, раздели он его с кем-нибудь. Но вокруг ни души. Лишь беспорядочно растущие ели и придорожная заправка, где-то в полумиле отсюда. Рик давно потерял всякий интерес к еде, настолько, что не смог бы себя заставить даже спуститься на первый этаж, где и располагалась кухня, какие бы усилия он не прилагал для этого. Однако, наступал тот момент, перед которым отступала вся его закоренившаяся апатия. Тот самый, когда голод начинает прижимать кишечные стенки друг к другу. Животный инстинкт самосохранения, благодаря которому он еще не отправился за «ней». Хоть он уже и не верил в подобную чушь, такую, как жизнь после смерти, но надежда на это согревала остатки души.

Единственный человек, которому не оказалась безразлична судьба Рика, был его друг Мартин. Несмотря на провал первых попыток вытащить его из бесконечного круговорота самоистязания, он не оставлял надежду. Мартин, учитывая, каким он казался снаружи, каким хотел себя всем показать, оказался слишком ранимым, чтобы продолжить наблюдать, как его близкий друг медленно угасает. И в конечном итоге, осознал, что не в силах его спасти. Ведь нельзя помочь тем, кто не хочет, чтобы им помогали. В один момент он просто приехал на фургоне, загруженным продовольствием, велел ребятам все это выгрузить в дом, разложить туда, где им полагается лежать, а сам поднялся в комнату Рика.

– Привет... Эм, слушай, чел, – ему стало тяжело говорить из-за внезапно подступившего кома в горле. Казалось, Рик даже не видит его, и на мгновение Мартин подумал, что он вновь с «ней».

– Да, Мартин. Что тебе нужно? – ответил Рик.

– О, ты тут, бро, я уж испугался, что ты вновь улетел за орбиту, – сказал Мартин, наивно полагая, что разрядит этим атмосферу. Сколько бы Мартин не пытался перестать грузиться тяжелыми мыслями, он прекрасно понимал, что вся вина за те события лежит на нем. Но ему не хватало смелости признаться в этом даже себе.

– Да, я уже давно за этой орбитой, дружище. К моему сожалению, тут есть кислород.

– Да брось, чел. В общем, прикинь, что я тут решил – короче, хочу кое-что сделать для тебя. Там парни выгрузили тебе еды, ее хватит надолго. По крайней мере, пока ты не придешь в себя, а ты, смотри сюда, а ты придешь в себя, понимаешь меня, чел? Вот. И еще, самое главное, – Мартин спустился вниз и спустя пару минут поднялся с большим пакетом.

– Здесь капсулы, Рик. И деньги. Пожалуйста, брат, – это был первый раз, когда Мартин назвал его братом, – пожалуйста, не трать их на алкоголь и наркоту. Капсул тут достаточно, а деньги тебе пригодятся, когда решишь начать новую жизнь. Я верю брат, что ты найдешь для себя новый луч, маяк, что укажет тебе путь к лучшему, ведь ты заслуживаешь этого. Я хотел им стать, но, видимо, это не в моих силах. И... Рик, ты это... ты прости меня. – не в силах контролировать эмоции, Мартин отвернулся и вытер нахлынувшие слезы рукавом пиджака.

– Мартин. И ты меня прости. В моих словах нет никаких чувств, но, наверно, в таких ситуациях принято так говорить. Я бы возможно и хотел ненавидеть тебя, как в начале, либо обижаться, чтобы теперь взять и простить тебя. Но мне просто плевать. И если ты закончил, я бы не отказался уйти туда, где я счастлив, жив. Там, где нет этого гребанного мира, сгоревшего дотла, где вокруг один пепел и холод, безразличие и лицемерие, грязь и мой похуизм на все это. Так что Мартин, благодарю тебя, ты не был обязан, но ты поступил как друг. Но как ты понял, я не могу ответить тем же. Физически не могу.

– Ладно, дружище, я так понимаю, пришло время прощаться. В день нашего знакомства, поверить только, если бы я знал, что все так будет. Боже. Рик. Прощай...

Мартин быстрым шагом, вновь оказавшись беспомощным перед новым потоком эмоций, будучи не в состоянии понять, что с ним происходит, привыкший чувствовать холод, превосходство, смешанное с цинизмом и высокомерием, сейчас был просто раздавлен и разбит. Разбит собственными усилиями. Выйдя на улицу, и, как можно скорее удалившись, он просто сел и начал рыдать, окунув голову в ладони, будто старался спрятать в них свою слабость от этого мира. Впервые за очень долгое время. Он просидел так около пяти минут, пока не смог сделать глубокий вдох, успокоиться. Вернувшись, он в последний раз посмотрел на окно комнаты, в которой сейчас Рик уже держал в двух пальцах капсулу, рассматривая ее и выбирая момент, когда оправится в столь приятное путешествие, в котором он точно знал, что получит ожидаемую награду. Мартин сел в фургон, где его уже ждали ребята, и спустя пару минут вокруг вновь воцарилась тишина, которую не то, чтобы Рик любил – ему просто было плевать на это. И в подобном своем отношении, он ко всем был одинаково справедлив, не делая ни для кого исключения.

Сам Рик был бы рад забыть прошлое, смириться с событиями, гложащими его нутро.
«Начать бы все сначала».

Да, и такие мысли рождались в его, обезображенном своими же стараниями, рассудке. Рождались, обреченные оставаться там лишь на короткое время. Существовать до очередного «возвращения». Так он называл эффект капсул, о которых даже и не узнал бы, сложились все иначе. Судьба была неблагоприятна к нему, если, конечно, она вообще имела к этому отношение.

– Не заслужил я этого дерьма, – часто повторял Рик, то ли вслух, то ли внутри себя.

– О какой судьбе может идти речь, когда меня лишили всего. Лучше бы я умер тогда, вместе с ними...

Лицо его было заросшим и испачкано то ли едой, то ли еще чем-то, и не выражало ровным счетом ничего. Замусленная борода по задумке природы была рыжей, что сейчас было трудно определить, и выглядела уместно грязной на фоне его засаленных черных волос. Глаза, пронизанные болью и тоской, потерянный взгляд, взгляд человека, который до сих пор не понимал, ради чего он продолжает жить. Нельзя передать, насколько болезненным было для него пребывание в этом мире – в мире, где от «ее» существования остались лишь образы и воспоминания. Жизнь, в которой остановились стрелки часов, где время существовало лишь там, в дали, среди людей, которые его ценили. Либо продолжали себя убеждать в этом, веря, что они успеют, что вот-вот со временем придет то самое время, когда уже можно будет начать жить. Однако время имеет свойство лишь забирать, с абсолютным хладнокровием, не считаясь ни с кем. Ни с кем, кроме Рика. В отличие от тех людей, Рик было плевать. У него уже забрали все, что можно. Что имело цену. Все остальное он бы сам принес и отдал, если бы хоть кто-то, кто управляет этой жизнью, временем, изъявил желание у него забрать. Жестокая несправедливость, либо плата за собственные грехи и фатальные ошибки. От этого диссонанса существовало только одно спасение – капсулы.

Когда-то Рик был высокий и слегка подкаченный милый парень, с типичной прической и легкой щетиной. Теперь его было не узнать. Два совсем разных человека. И увидев себя в зеркале, прежний Рик бы ужаснулся. Даже одежда на нем была вся в грязи и истасканная, источающая резкий запах пота. У человека могло возникнуть ощущение, будто он ее не снимал с момента появления на свет. И оказался бы прав. Ведь с «ее» уходом ушел и Рик, высвободив это существо, олицетворение безразличия. Но ему было все равно. С каждой минутой, проведенной здесь, он терял способность думать, осознавать, будто выполняя обещание, несмотря ни на что выжить в своей никчемной, ничего не стоящей, пустой жизни. Существование, лишенное всякого смысла. Некогда горевший как факел, ныне лишь пепел, как напоминание об огне, лишенного возможности загореться вновь. Однако не забудет он одно – ту самую ночь. Лицо того таксиста, тротуар напротив дома, дверь которую лучше бы он не открывал. Накрытый стол, конверт... Не перестанет винить себя, ведь он мог поступить тогда иначе. И варианты, кажется, продумал он все, даже самые нелепые и крайние.

– Ах, – простонал Рик, пытаясь нащупать рядом бутылку воды и вчерашний бутер, который купил в заправке у дороги. Либо не желая спускаться за последним подарком Мартина, либо уже забыв об этом, он предпочел просто заглушить голод и жажду, приложив для этого минимум усилий. Большого ему и не надо было. И, в конечном итоге, обнаружив вчерашние остатки, Рик остался удовлетворен. Ему не придется сейчас заставлять себя вставать с этой заляпанной кровати, что только своим далеким прошлым напоминала спальное место.

– Еще один сраный день, – с этими мыслями он начал поглощать бутер, не разжевывая, предварительно взяв его в свои запачканные руки, попутно запивая все водой. С момента, как он проснулся, и до «легкого завтрака», его не отпускала мысль – как можно быстрее отправиться к ней. Если бы Мартин не решил его снабдить крупной, даже для Рика, партией капсул,

их у него было в достаточном количестве, ведь в свое время он неплохо запасся, потратив на это последние остатки своих средств. Именно остатки, ведь большую часть он пропил, засиживаясь постоянно то в кабаках, то в барах. Теперь алкоголь не интересовал его, он так и не справился со своей задачей, залечить душевную рану. Им не наполнишь ту образовавшуюся пустоту в душе. В этом и была привлекательность капсул: под их воздействием к нему приходили те самые ощущения, оставшиеся где-то там вдалеке; но сколь бы яркими и красочными они не были, в реальности их не существовало. Хоть он и знал, что все это лишь плод его воображения, и поначалу как-то еще понимал это – то теперь же ему было просто плевать; он жил в этом мире, состоящем из отрезков событий прошлого. Теперь этот новый мир перевесил тот старый и стал для него реальнее, нежели настоящее. Настоящее стало для него сном, кошмарным и ужасным, от которого он хотел как можно скорее проснуться. Реальность была для него сущим адом, где кроме душевной боли не осталось ничего, с чем имелась возможность соприкоснуться. А там, в этих возбужденных от действия капсул клетках мозга, протекала жизнь с любимым и единственным дорогим ему человеком. Мия. Лишь три буквы, но это слово было самым значимым в его жизни.

Глава 2. Приют

Рик не знал своих родителей. Еще с самого раннего периода жизни он перенес на себе все тяготы. Нельзя было услышать, как он с кем-то говорил о своем детстве. Оно было наполнено тоской и обидами: на жизнь, на себя, родителей. Как и любой другой ребенок, Рик нуждался в материнской любви, которой его обделила судьба. До некоторого времени он продолжал верить в лучшее, что есть на небе дяденька, который найдет его маму и приведет к нему. Но маленькое, все еще полное надежд сердце, было обречено стать жестче, получить свой первый рубец. Рик верил во встречу с матерью пока не начал взрослеть, понимать, что чудес не бывает, что нет там никого наверху, над облаками. Осознание – пожалуй, самое худшее, что могло произойти с этим, до сих пор любящим свою мать, мальчиком, которому для любви к ней не обязательно было даже ее знать. К матери, которой, возможно, уже не было в живых. Но тем и хорошо осознание – оно делает нас сильнее, трезвее. Оно избавляет от мнимых мечтаний, иллюзий и насильно толкает в будущее, наполняя наш разум агрессивностью и решимостью. Единственное, что связывало его с прежней жизнью, о которой не было сознательных воспоминаний, была игрушка, в виде тянущегося человечка. Он звал его Армстронг, и был слишком сильно к нему привязан. В эту обитель печали Рик попал уже вместе с ним. Всюду таскал его с собой, не позволяя никому до него дотрагиваться. Некоторые дети обижались за это на Рика, называли жадным. Им не было дано понять, какую ценность представляла для ребенка простая игрушка, служившая доказательством того, что у него были родители. Он не смог бы уснуть, не держа его в руке, ведь каждую ночь, он представлял, что это теплая мамина рука.

Что мама уже не придет ему не сказал никто. Хотя и тетеньки в приюте внушали ему надежду теплыми словами о том, что мама его уже ищет, он рано или поздно должен был понять все. Сам. В какой-то момент он просто устал ждать.

Чем старше становился Рик, тем с большим безразличием к нему относились здесь. Надо быть справедливым, у большинства обитателей приюта были похожие судьбы, и каждый пекся о своем горе. А женщинам, что ухаживали не только за ним, хватало своих забот; да и к тому же, невозможно сопереживать каждому из обитателей, когда уже к вечеру, после изнуряющего дня, лишаешься всех сил, ухаживая за всеми. Так и проходил каждый его день, в «приюте надежды», где каждый был сам за себя, меняясь лишь в те редкие моменты, когда здесь решали что-то отпраздновать. Лишь тогда там воцарялся уют, и кружила по всем помещениям некая атмосфера искренности. Возможно, это была заслуга алкоголя, которым хоть и не злоупотребляли, но все же к которому в редкие моменты работники прибегали за помощью. Ведь и самому персоналу, хотя бы в праздники, хотелось приложить максимум усилий, чтобы подарить этим, итак лишенных всего, человечкам, как можно больше добра.

Глава 3. Мия

Время шло, Рик вырослел. Чувства, наполнявшие его сердце, сменялись одно на другое, перерастали из обиды в гнев, из гнева в раскаяние пока не возвращались на точку старта. Этот круговорот, возможно, так и остался бы ненарушенным, не появившись в его мире она. Милая девушка, замкнутая, словно выброшенный котенок, отданная самой себе, сидевшая обняв колени в углу гостиной. По всей видимости, она здесь была новенькой, что было большой редкостью для данного приюта. Рик зачем-то посчитал, что должен проникнуться к ней жалостью. Постоянно все мысли о ней, когда кушал, спал. Но подойти к ней он не решался. Скорее всего, он так и не нашел бы в себе решимости, если бы не один случай, не оставивший ему иного выбора. Пока Стэн и Пит – двое сплоченных и агрессивных подростка, типичные ребята, которые не прочь самоутвердиться за счет слабых, не имеющих возможности себя защитить, не начали приставать к ней. Сначала ничего необычного не происходило, пока девочка с криком не попыталась избавиться от их компании и не убежала в сторону своей комнаты. Добраться до ее двери было не суждено. Как только Пит настиг ее, резко схватил за волосы и бросил об пол. Рик, ведомый злобой и желанием причинить боль обидчикам, ринулся к ним. Надо признаться, Рик был не лучшим образом физически сложен, и шансов у него было маловато. Но бросить на растерзание маленького котенка двум псам он не мог. Схватив Пита за плечо, он попытался его откинуть, но Пит был намного сильнее, и, ожидаемо, ответил ему куда больнее. Тем временем, воспользовавшись ситуацией, девочка опомнилась и убежала в место, куда изначально стремилась. Не стоит говорить, чем стоил этот героический поступок Рiku, ведь в итоге он пролежал несколько недель с ушибами и травмами. И, к сожалению для Рика, одними тумачами дело не обошлось. Первая неделя в больничке была полна одиночества, и спасали лишь отчасти парочка любимых книг. Но все изменилось в один вечер – она зашла к нему в комнату. Молча сев на стул, что стоял рядом с кроватью, она сначала посмотрела ему в глаза, а потом несколько минут просидела с опущенным взглядом. Неловкие минуты тянулись как часы, пока Рик не осмелился нарушить тишину.

– Как тебя зовут? – секунды затишья, пока из ее уст не прозвучал ответ.

– Мия.

– А меня Рик. Ты очень милая, Мия.

От этих слов Мия засмушалась и убежала. Сердце Рика бешено колотилось и сжималось в груди. Он впервые испытывал это чувство. Какая-то смесь счастья, страха, обиды. Что-то похожее он испытал, когда пацаны постарше втихаря угостили его напитком, который пили взрослые в праздники. Еще несколько дней прошли обыденно: забитая мыслями о Мие голова, редкая боль в теле и это странное чувство, которое становилось только сильнее. Рик уже шел на поправку. Он успел привыкнуть к своему новому образу жизни, и ничего не предвещало перемен, пока его комнату вновь не посетила Мия. На этот раз она была более разговорчивой, продемонстрировав это словом «Привет». Рик совсем не ожидал ее увидеть именно в этот момент, и от внезапности у него прошла резкая боль в сердце, несмотря на то, что он постоянно представлял себе следующую встречу с ней, воображая в голове их диалог.

– Привет, Мия.

– Как твои дела? Тебе уже лучше? – спросила она, не пытаясь скрыть робости.

– Уже лучше, доктор обещал, что скоро снова смогу заниматься теми же бессмысленными делами, которыми я занимаюсь, сколько себя помню тут. А твои как? Эти кретины тебя больше не обижали?

– Нет, после того случая они больше ко мне не лезли. Кстати, спасибо тебе большое, прости, что не поблагодарила тебя раньше, в первый раз.

На Мие уже трудно было разглядеть следы страха, и ее лицо как будто стало более жизненным, теплым.

– Не стоит благодарить, думаю, на моем месте так поступил бы каждый.

– Но другие ведь не заступились...

Они продолжали общение, Мия начала приходить все чаще, пока он не выздоровел. Теперь они были неразлучными: вместе гуляли, Рик читал ей свою любимую книгу, она свой сборник стихов, подаренный ей мамой на ее день рождения, за месяц до своей гибели. Крепла дружба, между двумя забытыми и брошенными на произвол судьбы.

Мия была девочкой небольшого роста, немного худенькой, светлая бледноватая кожа, черные волосы. Ничего примечательного, но Рiku было этого достаточно, чтобы любить ее больше жизни. Однако рассказать о чувствах ему не хватало смелости, он слишком сильно боялся потерять ее одной этой фразой. На пути его решимости к признанию в чувствах моментально вставали, наполненные страхом, мысли:

«А вдруг она не любит меня? Вдруг она считает меня лишь другом?»

Его размышления прервал звук приближающихся к нему шагов. Это была она, как всегда излучающая красоту, по крайней мере, такой он ее видел всегда.

– Слушай, Рик, нам надо поговорить, – сказала она сходу.

– Привет, о, ну раз ты так настаиваешь, – отшутился он в своей манере, но ей было не так весело.

– Понимаешь... нет, мне не стоит это говорить, пока.

Она развернулась и только собралась делать шаг, как Рик вырвал из себя фразу:

– Я люблю тебя.

О, это ожидание. Ему казалось, будто прошли уже миллионы лет, все в приюте скончались, как и вся жизнь на земле, которая уходила у него из-под ног. Когда она обернулась, у нее были слезы на щеках. Ничего не говоря, она со всей силой обняла его.

– Эй, ты мне так все ребра переломаешь.

– Глупенький, – произнося эти слова, она поцеловала его. Несколько часов пролежали они в обнимку, каждый думая о своем. Это могло означать лишь одно: он нашел то, что ему было нужно больше всего, что он никогда не отпустит.

Глава 4. Армстронг

Рик сидел во дворе, в своем излюбленном месте, спрятавшись от лучей полуденного солнца, расположившись в прохладе тени дерева. Все его внимание было обращено, как и полагалось в такие моменты, в очередную книгу. Погруженный в сюжет, он немного перепугался, когда, подняв взгляд, обнаружил перед собою Мию.

– Ты давно тут стоишь? Господи, ты бы хоть не подкрадывалась так тихо, я не хочу сыграть в ящик, так и не увидев мир вокруг.

– Ой, прости, но оно того стоило. Раз уж ты заговорил о мире вокруг, у меня возникла идея. Уверена, ты будешь в восторге.

– Надеюсь не так же сильно, как после твоей очередной великолепной идеи подсыпать слабительное в кастрюлю с супом, угоститься которым повезло всем, кто находится в этом прекрасном местечке, под названием «лучше пристрелите меня». До сих пор не могу вспомнить без смеха, как были прекрасны следующие недели, проведенные взаперти в своей комнате, – с сарказмом проговорил Рик.

– Да брось, признайся, хохотал ты тогда посильнее чем после своих идиотских шуток.

– Смею признать, они вовсе не идиотские.

– Короче, я тут случайно услышала, как Жируха с Кэпом обсуждали поход на речку в эти выходные, и, если верить их словам, находится она не так, чтобы сильно далеко отсюда.

– Да и стоит приплюсовать сюда запас сил Жирухи, вряд ли она может себе позволить такую роскошь, как пешая ходьба на дальние дистанции.

– Хаха, точняк, так вот... – попыталась продолжить Мия, но Рик никак не унимался.

– Кстати, ты немного ошиблась в одном слове – не услышала, а подслушала.

– Можно я расскажу, клоун?

– Зачем ты сама у себя спрашиваешь разрешения?

Улыбке Рика не суждено было продержаться долго.

– Ай, зачем сразу бить.

– Дослушай. Так вот, я тут подумала, все равно уже скоро мы выберемся из этого убожества, почему бы нам не перебраться тайком через забор во время тихого часа, все равно всем насрать, чем мы там занимаемся в своих комнатах. Да и тем более, до темноты мы успеем вернуться, как раз будет время ужина и об этом наверняка никто не узнает.

– Хм, а знаешь, это действительно заслуживало быть услышанным. В отличие от твоего обычного трепы, тут у меня даже появился интерес.

– И зачем я с тобой общаюсь...

– Ладно, когда думаешь идти? – спросил Рик.

– Сегодня.

– Ха, не, дорогуша, мне кажется, ты торопишь события. Типа, надо ведь все обдумать, спланировать, понимаешь?

– Да зачем, мы ведь не собираемся не возвращаться. Да и к тому же, это тут, совсем рядышком.

– Кроме «услышанных» слов, есть еще какие-то доказательства этого?

– О Боже, какой же ты занудный. Ты, когда выбираешь что надеть, так же долго все планируешь и анализируешь?

– Ну, учитывая мой гардероб, я лишен этой возможности.

– Короче, блин, сегодня я буду у тебя, а там уже по старинке спустимся из твоего окна и переберемся через забор.

– Повезло тебе, что моя комната не на третьем этаже...

В доме объявили, чтобы все разошлись по своим комнатам, когда как Рик и Мия уже были там, и только радовались этому сообщению. Собрав все, что может им пригодиться в рюкзак, взяв с собой пару батончиков, которые давались на обед, Рик потянул дверцу тумбочки, чтобы взять Армстронга. Он и сам не мог понять, почему мысль оставить его в комнате так его расстраивала и заставляла испытывать сильное чувство стыда.

– Рик, тебе же не девять, зачем ты его тащишь с собой?

– Я не знаю, не могу объяснить, но почему-то оставить его в момент, когда мы выйдем за пределы приюта, увидим больше, чем мы уже видели... Я хочу, чтобы и он испытал эти эмоции, это как-то по-предательски что ли.

– Я думаю, не стоит говорить, что это всего лишь кусок резины...

Рик не стал отвечать, понимая, что вопрос был риторическим. Да и не видел смысла пытаться ей объяснить свои чувства, он знал, что ей все равно не понять этого. Да и обижаться на подобные фразы он уже давно перестал. Армстронг был частью его жизни, как продолжение его тела. Подобная привязанность не исчезает со временем.

– Фух, вот мы и перебрались. Что дальше, котик? – спросил Рик, уже успев подустать, пока перелезая через забор.

– Так, если мне не изменяет память, нам надо идти в вон ту сторону. Видишь тот небольшой подъем? Я так полагаю, что за ним последует либо резкий спуск, либо провал. А это значит, что там речка, – сказала Мия, даже не пытаясь скрыть восторг.

– Да-да, хорошо, что ты полагаешь. Это внушает доверие. Ну ладно, пошли, идти нам еще как минимум минут двадцать.

Пробираясь сквозь деревья, лишь иногда нарушая тишину парой фраз либо громкими вздохами, Рик уже подобрался к утесу. Оглянувшись, он понял, что и Мия не сильно успела отстать. Еще только приближаясь к спуску, Рик молился, что спуск к реке будет не слишком длинным и крутым. К своей большой радости, он не прогадал. Перед ним открывалась широкая, но не глубоководная река, отражающая падающие на нее, сквозь кроны деревьев, лучи солнца. Глубина, по мнению Рика, достигала от силы полторы метров. Однако течение сложно было назвать таким же безопасным. Были и места, где оно практически отсутствовало, из-за расположенных соответствующим образом в ней крупных камней. Туда Рик и приметил сразу отправиться на купание.

– Вау, я просто не могу в это поверить. Ты тоже это видишь, Мия? – в изумлении спросил Рик.

– Да, красавчик, могу еще больше сказать, это не галлюцинации. А ты еще думал, идти или нет.

– Ой, давай без этого. Дай насладиться этой красотой.

– Ну что, побежали купаться? – предложила Мия.

– Постой, хоть я и безумно хочу этого, но надо же понимать, что мы не умеем плавать.

– Да, и что? Когда ты родился, ты уже умел ходить что ли?

– Сравнение конечно, идеально подобрано, однако смысл я понял. И все же, я больше за тебя переживаю, худышка.

– Ой, как это мило. Но все же, я смогу за себя постоять.

Спускаться пришлось недолго, хоть и приятного в этом было мало. Из-за редких физических нагрузок в приюте, ноги Рика быстро забились, и мысль о купании была уже не такой вдохновляющей. Однако, он все же понимал, что больше подобная возможность может и не представиться, несмотря на весь свой оптимистический настрой. Речка, на удивление, была весьма чистой, можно было даже заметить лежащих на самом дне камней, из которых и состояла поверхность дна. Рик быстро отдернул ногу, когда ощутил на себе весь холод ледяной воды. Это отбило у него последнее желание поддержать порыв Мии.

– Слушай, Мия, я не хочу сказать, что вода холодная, но у меня чуть нога не заledenела, когда я ее туда опустил. Может, все-таки ты сама? – одновременно с этим вопросом Рик положил рюкзак на берег, состоящий из песка и редких, порой даже крупных, камней. – Кстати, будешь батончик?

– Нет, я итак уже сама как батончик. Если вдруг захочу, то просто откушу с себя. Ты столько сюда шел, чтобы сейчас придумывать отмазки? При чем, даже не стараясь быть убедительным.

– Боже, да тебя наверняка нашли в снегу, если ты не находишь температуру воды угрожающей жизни. Ай, твою ж мать! Черт...

Доставая батончик, Рик споткнулся, и, падая, случайно ногой пнул рюкзак, который покатился к краю берега и оттуда вываливался Армстронг. Рик как мог быстро вскочил, и только было ринулся к нему, как тот окончательно упал в реку, и его унесло течением. Недолго думая, забыв о холоде, даже об одежде, Рик прыгнул в воду и вынужден был поскользнуться об гладкие, заросшие мхом, камни, и течение отправило его вслед за Армстронгом, словно зная, куда Рик наметил. Ситуация ухудшалась тем, что он не умел плавать, а попытки опереться ногами об дно, состоящее из скользких камней, не увенчались успехом. Только спустя несколько десятков секунд, к Рику пришла способность мыслить, несмотря на немалое количество выпитой речной воды. Однако панику побороть ему все еще не хватало самообладания. Наконец, он услышал бегущую и кричащую ему Мию, которая держала какую-то длинную ветку, одному Богу известным образом, оказавшуюся у нее в руках. По ее лицу можно было понять, к каким действиям она его призывает. Но на пути спасения стояло все то же непреклонное ни перед чем обстоятельство – полная беспомощность перед натиском течения. Пока Рик, с пустой головой и все сильнее одолевающим его чувством паники, смотрел на Мию, его движение прервал огромный камень, лежащий посреди реки, перед тяжестью которого река оказалась бессильна. Резкий удар, который пришелся в плечо, привел Рика в чувство. Опомившись, он зацепился за ветку, которую ему протянула Мия и постепенно, опираясь ногами об камень, вылез из реки. Только теперь он заметил, что на ее огромных глазах застыли слезами. Она бросилась ему в объятия и зарыдала. В этом плаче было заключено и чувство вины, и страх потерять самого близкого, любимого человека. Одна мысль об этом затянула ее в тот омут боли, из которого ее не был способен вытащить даже Рик, как бы он не пытался ее успокоить. Просидев так до сумерек, Рик все-таки решился ей напомнить, что им уже как минимум полчаса назад пора было вернуться обратно. И только сейчас он вспомнил, что Армстронга унесло течением. Осознание этого ему давалось с трудом. Он не мог себя заставить поверить в это. Несмотря на то, что Мия уже несколько секунд обращалась к нему, он просто сидел, уставившись в одну точку, и не мог смириться с потерей. Рик не чувствовал ничего: ни жалости, ни грусти. Нет, абсолютная пустота в том месте, где он их ожидал обнаружить. Но внезапность этих чувств, будто пронзающий удар острого лезвия, парализовало его. Это было то, что давало ему уверенность в существовании его родителей. Мост между настоящим и прошлым, рухнувший в одно мгновение. Хуже всего было отсутствие слез в тот момент, когда они стали бы проводником этой боли в окружающий мир. Отсутствие злости, а лишь всепоглощающая тоска, которая стремительно уничтожала его изнутри. Кажется, Мия наконец осознала, что для него значил этого «кусочек резины». И неизвестно, хотела ли она этого, но взяла на себя часть этой боли. Ей захотелось на этот момент стать этой игрушкой, его мамой, да кем угодно, лишь бы привести его в чувство. Однако не имела даже малейшего понятия, чем может помочь ему в этот момент. Лишь слезы начали стекать по щекам, и уже не в силах себя сдерживать, она вновь рухнула в его объятия и просто хотела согреть его своим теплом. Согреть тело, сидевшее в неподвижности.

– Рик... – выдавила она из себя. – Мне правда, очень очень жаль. Прости меня.

Если и было в этой жизни нечто такое, что могло его, замерзшего и мокрого, привести в чувство, так это был ее голос.

– Нет, это ты меня прости. Мне действительно стоило придавать меньше значения этому куску резины. Возможно, тогда бы сейчас я не так сильно парился по поводу его утраты. Ладно, кажется, мы собирались возвращаться. Кстати, я люблю тебя.

Она была настолько счастлива это услышать, что следующие минуты, будто опьяненная его словами, провела погруженная в нежный поцелуй с Риком.

Уже совсем стемнело, когда они были на том же месте, где с противоположными чувствами несколько часов назад перелезали через забор. Судя по тишине на улице, все давно уже ужинали, и Рика начало погружать в колею неприятных мыслей о предстоящем разговоре с воспитателем. Но к своему счастью, обнаружил, что никто даже не узнал про его отсутствие. Скорее всего, никому не было до этого дела.

Глава 5. Жизнь вне

Годы пролетали как дни, часы как секунды. Они начали строить планы о жизни за пределами приюта, ведь скоро Рик у исполнялось восемнадцать лет, как и Мие. О том, что в этом возрасте настанет время уйти из приюта, они давно были в курсе, но как-то особо не говорили об этом, ведь дата была еще далеко. Однако сейчас, когда считанные месяцы оставались до этого значительного события, эти разговоры обретали более серьезный характер. Порой даже возникали споры, куда они поселятся: в оставшийся от родителей дом, куда хотела Мия, либо снимать квартиру, в приближенном к центру Гринвуда, району, как предлагал Рик. Он ставил цель сразу устроиться на работу и получить образование, как только они обустроятся. Мия хотела поступить так же, но Рик был настроен против этого. Было решено, что она будет работать лишь до тех пор, пока в этом будет нужда.

С каждой прожитой секундой вместе крепили те невидимые нити, напрочь связывавшие Рика с Мией. Нити, которые превратились в прочный узел, что было не разорвать таким мелочам, как обстоятельства. Порой возникали споры, которые из всех сил пытались разорвать эту связь. Иногда даже, перетекавшие в ссоры, мелочи, вносили свой вклад. Самая страшная из них чуть было не изменила судьбу Рика, и, одному Богу известно, насколько жизнь тогда могла перетечь в другое русло, где все было бы иначе...

Это произошло за день до того, как их отправили во взрослую жизнь. И уже не было возможности отложить принятие решения по поводу будущего на потом, к чему они прибегали раньше, когда впереди было еще полно времени. Необходимо было прямо сейчас решать, что делать дальше, не переводя данный диалог к бесконечному спору. И сейчас, за день предстояло сделать то, что ранее казалось невозможным. Сделать выбор. И оба, сидя во дворе, жалели, что оттянули этот момент.

– Хорошая погодка выдалась, не правда ли? – с утверждением бросил в воздух Рик.

– Да малыш, – ответила Мия, не отрываясь от наблюдения за, держащими свой путь, облаками. – Хорошая.

– Ты ведь понимаешь, что нам необходимо что-то уже решить, так?

Он нервничал, пусть и были они уже знакомы и влюблены друг в друга не первый день, но сейчас он чувствовал себя так, будто от этого диалога зависела судьба всего человечества.

– Да, слишком хорошо знаю.

По ней было видно, как сильно ей не хотелось участвовать в этом споре в очередной раз. Она хотела, чтобы он сам сделал этот выбор, но зная, как он поступит, не могла сидеть отреченной.

Только они двое были в это время на старой, наверно, уже сотню раз перекрашенной, скамейке, коими был обставлен двор приюта. В возникшей тишине можно было уловить слабый шелест листьев. Где-то там внутри был объявлен тихий час, и можно было насладиться тишиной, хотя бы на пару минут. Но наслаждение длилось недолго.

– Послушай, Рик... я... эм, знаешь, я не хочу сейчас об этом говорить. Я понимаю, выбор должен быть сделан, бла-бла, надо уже решать, но я уже устала от этих разговоров, не приводящих ни к чему, кроме как негативного осадка. Я не хочу вновь портить настроение ни себе, ни, тем более, тебе. Может быть, ты уже перестанешь упрямиться и вести себя словно ребенок? Если мыслить рационально, то выбор становится еще очевиднее, – заводилась Мия.

– Значит, я веду себя как ребенок?! – эти слова всегда не на шутку злили Рика, ведь он считал себя уже взрослым, в свои восемнадцать, исполнившиеся несколькими днями ранее.

– То есть, именно из-за того, что твой выбор тебе кажется благоразумней, я веду себя как ребенок?! Может это тебе пора перестать брать на себя роль парня в наших отношениях и последовать за своим мужчиной?

Рик знал, как ее злит, когда он строит из себя папочку, но сейчас он сделал это, на удивление, с удовольствием.

– Я бы последовала, как ты говоришь, за мужчиной, но постарайся объяснить, в каком месте мне его найти?

– О, если бы ты, наконец, расчихлила свои огромные шары, то тебе бы удалось. Да достаточно просто посмотреть перед собой.

– Слушай, остановись. Так мы ни к чему не придем. К чему весь этот спектакль? Уже кот... – Рик, уже слишком возбужденный, чтобы молчать, резко прервал ее, так и не дав закончить мысль.

– Нет, меня достало то, что ты не хочешь следовать за мной. Ты мне не доверяешь? Боишься, что я из-за своего чертового упрямства готов навредить нам? Да как ты не понимаешь, что за этим стоит? Не вынуждай меня снова тебе рассказывать, чем обусловлен этот выбор. Могла бы просто положиться на меня. Я хоть и не мастер отношений, не тот самый альфа самец, которого ты заслуживаешь, но раз уж выбрала меня, прими это, доверься. Быть может...

– Рик, успокойся, – решила перебить его Мия, зная, как ему трудно дается этот разговор.

– Я спокоен, спокоен. Да и вообще, решай все сама, достала.

Пнув скамейку, что отразилось сильной болью в ноге, и выглядело бы очень нелепо, позволив он себе показать ей эту боль, Рик, пытаясь быть максимально равнодушным к своему страданию, удалился прочь. Он был разгневан и обижен на нее, от чего моментально выступили слезы, и заставило его возненавидеть себя еще сильнее, но чувство внушаемого себе предательства с ее стороны не покидало его. Весь день просидел он на задней части двора приюта, на берегу маленького пруда. Он прекрасно понимал, что Мия знает, где его можно найти, но молился, чтобы та не потревожила его своим присутствием. Уже начало темнеть, когда его мысли, начавшиеся с ненависти к человеку, единственному, которого он любил, перетекли каким-то странным образом к внутреннему диалогу с мамой. Он не знал ее голоса, ни как она выглядит, не знал ее возраста, роста, характер, манеру речи. Но что может остановить маленького мальчика, что засел внутри юнца, который так и рвется наружу потосковать по своей матери? Он жалел, что так и не смог, а быть может, и не сможет увидеть ее. Но это не являлось барьером для диалога с ней. Разговаривал он на разные темы: о погоде, своих переживаниях, мечтах.

– Эй, Рик, ты чего там уселся? Иди ужинать. Готов к завтрашнему дню? Скажи честно, будешь скучать по нам? А навещать?

Чередa вопросов няни выбросила его из своего внутреннего убежища в суровые реалии. Наступившие сумерки немного ошеломили его, как и неожиданный голос женщины.

– Ааа... что... да, конечно, иду, – ответил он, хоть и толком не понял, что она от него хотела, кроме как что-то про ужин и завтрашний день. Только сейчас он вспомнил про Мию, про свою обиду на нее, уж больно сильно он увлекся внутренним диалогом с матерью.

– Я бы на твоём месте поторопилась бы. Там Зоя такое рагу сварила, ммм, если б не дела, прямо сейчас бы слопала все до последнего.

Она любила разговаривать с ним как с мальчиком, со своим мальчиком. И, наверно, еще не могла смириться, что может больше не увидится с ним, с Риком, которого она помнила еще таким маленьким. Так же, как и он сам не смог бы с этим смириться, если бы успел это осознать.

– Да тетя, бегу, – с улыбкой ответил он ей и, неспешно направился в сторону входа в столовую, в которую можно было войти еще и с боковой стороны дома.

«Так, Мия, надо подумать. Блин, так хочу услышать ее, обнять. Интересно, она обижается на меня? Хотя, с чего бы ей обижаться? Это она затеяла этот конфликт. Буду делать вид, что все еще обижен на нее... Да черт, ну зачем? Ведь это же не так. Ок, все, иду и поднимаюсь к ней в комнату, решено. Не могу. Просто не могу. Хочу, но не могу. Ладно, найдем компромисс: буду ждать от нее действий. Блин, нет, нельзя. Она итак ведет себя как мужик в наших отношениях...»

Его монолог был прерван, так и не приведя его к окончательному решению.

– Рик! – крикнул до боли родной голос, что у него от этого внутри все перевернулось. – Постой, погоди.

– Да, что ты хочешь? – ответил он, будто обиженный ребенок, но не понял, почему так поступил.

– Да брось ты обижаться, я все поняла, выслушай меня.

– Валяй.

«Твою-то мать, почему я веду себя так?».

– Прикинь, что я придумала! Пока ты просиживал свой обиженный зад у пруда, меня посетила гениальная мысль! Боюсь, она может тебе не понравиться. Но тебе действительно стоит ее выслушать, потому что я долго думала, да и завтра мы уже вольные птицы, ведь...

– Мия, пожалуйста. Ради всего святого. Начни ты уже, я жутко голоден и хочу поглотить вместе с кастрюлей, по словам тети, это божественное рагу от Зои.

– Все-все, поняла, ближе к делу. Короче, начну с фактов. Денег у нас нет. Это раз. Как мы выйдем надо где-то жить. Это два.

– О, чтоб тебя. Да сраный Моби Дик, который мне читала на ночь Оливия, не был столь занудным, как твои эти подступы к гениальнейшей идее. Если я заранее соглашусь, это ускорит процесс?

– Рик, следи за языком! – послышался рядом голос.

– Извините, тетя Оливия, я не заметил вас, – покраснел Рик, оказавшийся слишком вовлеченным в диалог, чтобы заметить проходившую мимо Оливию.

– Слушай, не отвлекайся. Все, буду говорить быстрее. Денег у нас нет, жить негде, есть, конечно, социальная помощь, но я не хочу жить в общежитии с какими-то отбросами. А вот и решение проблемы – мы сначала живем в доме моей мамы...

– Стоп стоп стоп, гениальная моя. Не знаю, как ты так быстро успела за пару часов заболеть Альцгеймером, но это уже не раз становилось причиной наших ссор.

– Да дослушай ты, дурилка. Ключевое слово «сначала». Некоторое время, несколько промежуток, называй как тебе приятнее слышать. Вот. Пока мы будем там жить, у тебя будет время найти работу, получить образование. Как ты и мечтал. Да и я не буду сидеть без дела.

– Мия, я уже говорил тебе, как я сильно не хочу, чтобы ты работала.

– Можно я продолжу, перебивашка? Ты меня начинаешь бесить. Я не буду работать, из-за твоего упрямства. Не буду и точка, мы уже решили. Но это произойдет тогда, когда в этом пропадет необходимость, вот так мы договаривались, если ты забыл. Блин, соглашайся в этом же столько плюсов. А минусов, если убрать тот факт, что твое эго размером с галактику пострадает, вообще нет.

– Да, пожалуй, ты права. К тому же у меня было время подумать. Все равно вариантов лучше я не в состоянии предложить. Но при одном условии: не будет такого, что ты будешь себя как-то выше ощущать из-за простой причины, что мы живем в твоём доме. Окей?

– Какой же ты глупенький, – поцеловала его Мия, при этом крепко обняв.

– Договорились.

Глава 6. Реальность

Он вспоминал об этом не в первый раз, успел вновь прожить это. Обдумал, пожалуй, все варианты исхода, но был уверен, что дай ему жизнь, судьба или Бог, тысячу и один шансов принять другое решение, он бы каждый раз выбирал одно. Сколько бы раз не пришлось пережить эту боль. Без колебаний. Один выбор. Исход.

Можно было бы вечно сидеть у себя в голове и обдумывать свои прежние поступки, сходя с ума по геометрической прогрессии, если бы не более приятная альтернатива, в виде «капсул».

«Сходить с ума. Можно ли еще сильнее рехнуться? Упасть ниже некуда и наивно полагать, что я все еще схожу с ума? Нет, мать твою, это не так. Я и так безумец. Куда еще ниже? Если в каких-то ситуациях, когда кажется, что дно достигнуто и тебе в этот момент стучат снизу, то в этой ситуации я в роли того, кто стучится. И не дай Бог, чтобы кто-то постучал снизу, уж тогда- то я и пойму, что пришел конец. А пока есть доза, есть эти капсулы, значит, что я еще не умер. Значит, я еще могу быть с ней. Сомневаюсь, что в аду выдают нечто подобное. Иначе было бы слишком много желающих туда попасть, хотя...»

– Кстати, где они, ведь только что лежали рядом на кровати. Сука, да куда же вы запропастились. Вау, какое древнее слово вспомнил, прогрессирую, – сказал Рик с сарказмом.

– Конечно, где бы вам еще находиться, кроме как у меня под носом. Осталось только найти чем запить и, наконец, впустить в себя эту дрянь. Но почему дрянь? Ведь она меня спасала чаще, чем гребанные терапии этих безмозглых мозгоправов. Люди разучились называть вещи своими именами, и правильно расставлять приоритеты. Глупо думать, что люди, которых подтолкнули на эту профессию собственные ужасы, справиться с которыми они не в состоянии, могут что-то изменить в тебе. Глупо считать, что вы способны мне помочь. Можете ли вы помочь, скажем, себе? Может, научите для начала себя смотреть на жизнь глазами, наполненных огнем, перед тем, как будете мне говорить, как вижу я? Может, расскажете о своем дерьме? Я с радостью вас послушаю. Что вы при этом чувствуете? Давайте, подожгите мой дом, мою жизнь, все, что мне дорого, а вслед за этим, и меня самого! Скажите, что вы чувствуете, мать вашу? Вы сами пусты, в вас нет ничего, кроме чужих историй. Так чем вы думаете наполнить меня? Расскажите, я вас послушаю.

Порой Рик любил вести эти диалоги с самим собой, смысл которых был понятен лишь ему одному.

Порой наступали моменты, когда он был слишком слаб перед гласом разума. И тогда наступало время совести выйти на свет, которая выступала в роли обвинителя, и очень любила, чтобы он отчитывался перед ней. А Рик, в свою очередь, угождал ей, оправдывая себя бессилием перед слабостью.

Спускаясь вниз за очередной бутылкой воды, Рик наткнулся на Армстронга. Мост, между ним и прошлым, с его инициалами, аккуратно выскребленными ножичком. Подарок Мии. Он помнил этот момент, один из тех самых, что прочно вдальбливаются в память. Как бы это ни было иронично, но он забыл, какой она была, когда видел ее в последний раз. Зато помнил, когда впервые...

Глава 7. Воспоминания

Была осень, они уже жили у Мии в доме, который можно было считать обитовальной среднестатистического жителя Гринвуда. Таковыми и были родители Мии, до автокатастрофы. Дом пустовал до тех пор, пока они с Риком, уже ставшие друг для друга семьей, не заехали сюда. Государство не оставило их без помощи, выплатив небольшую сумму на обустройство после приюта. Помимо этого, Мие перешло немаленькое состояние ее родителей, которым так и не довелось распорядиться им. Они с Риком потратили некоторую часть на ремонт родительского дома Мии. Другую часть решили использовать для получения образования и на всяческие бытовые нужды. Перед домом была небольшая лужайка, словно расступившаяся перед дорожкой, которая вела от тротуара к лестнице, и поднималась к белой, аккуратно покрашенной ими в белый цвет, веранде. Мия настояла на том, чтобы поставить большие горшки с цветами по обе стороны лестницы, что придавало уют. Окраску самого дома не стали менять и оставили родные синие цвета, лишь только обновив краску. Несколько небольших комнат тоже подверглись ремонту и были давно обустроены на свой лад. По соседству шли подобные дома, отличавшиеся друг от друга разве что наличием гаража либо количеством этажей, которые никогда не превышали предыдущий дом более чем на один этаж. Уже успели познакомиться с соседями: милой женщиной в доме с одной стороны, и пожилой парой, доживающих свой век, с другой. Мие нравилось расположение дома чуть ли не на самой окраине города. Здесь всегда было тихо, да и воздух, пожалуй, чище, чем в приближенных к центру районах. Это были ее слова в защиту дома от периодических нападок Рика найти квартиру в центре, поближе к его работе. Постепенно привыкали к новой жизни, где Рик уже окончил курсы программирования за тот короткий промежуток времени, пока выдается социальная помощь только что вступившим во взрослую жизнь, сиротам, и уже зарабатывал. Работал в маленькой фирме и занимался программированием. Про перспективу роста и прочее он сильно не думал, ибо для этого было выбрано неправильное место. Скорее опыт, да и деньги будут не лишними, чтобы в будущем поступить в колледж. Нельзя сказать, что получал он много, но этого вполне хватало, чтобы жить, да еще и покупать кое-какие вещи. Мия, в свою очередь, к этому моменту только оканчивала ускоренный курс для поступления в колледж. И уже не за горами была важная дата. Девятнадцатилетие Рика и годовщина их совместной жизни за пределами приюта. Она долго думала, что подарить. Настолько долго, что оказалась абсолютно не готова к завтрашнему празднику. Мия удобно расположилась на кресле, положив ноутбук себе на ноги и начала смотреть все подряд в интернет магазинах и прочих подобных порталах, но ее выбор сразу остановился на том самом тянущемся человечке, которого не так уж и давно, но будто в другой жизни, унесло течением реки. Одно из тех самых воспоминаний, которые прочно засели в памяти, не спрашивая, сколько времени между вами. Будто время создано для менее значимых вещей в этом мире. Продавался он в самом Даунхилле, что располагался в ста милях от Гринвуда. Довольно далековато для простой резиновой игрушки, если бы не столько чувств, привязанных к ней. Сама мысль о том, насколько сильно Рик будет рад подобному подарку, заставила ее забыть обо всем и начать собираться к поездке. Она набрала номер владельца, опубликовавшего объявление. Им оказался вежливый старичок, который слишком дорого оценивал данную вещь. После прочтения описания стало понятно, что вещь действительно стоила дороже всяких денег. Да и, скорее всего, старик просто нуждался в средствах, раз уж ему пришлось выставить игрушку на продажу. Да и самой Мие хотелось выбраться наконец-то из этого города, насытить эту жажду путешествий хотя бы такой простой поездкой. Она желала проверить себя, бросить вызов этому миру. Но пока лишь длиною в сотню миль. Первый шаг, хоть и маленький. Всего один день, чтобы успеть съездить, забрать, приехать обратно и пригото-

вить маленький сюрприз для своей, возможно ничего не подозревающей, половинки. Довольно банально, но ничего лучше она не смогла придумать. Необходимо было все проверить таким образом, где Рик оставался бы в неведении. С этими мыслями она, уже одевшаяся и полностью готовая, вновь уселась за ноутбук и начала уже воплощать план в реальность. К ее счастью на улице было еще утро.

Первым шагом было приобретение билета на ближайший рейс поезда. А таковой, судя по графику на сайте, отходил как раз через два часа, и у нее в запасе оставалось уйму времени, чтобы сесть на такси и добраться до центрального городского вокзала. Купив билет, она вызвала такси, взяла всякие необходимые вещички и принялась, сидя на лестнице, ждать водителя. В этот момент как раз откуда-то шла к себе домой пожилая пара. Мия в милой улыбке пожелала им доброго утра, перекинулась парочкой вежливых фраз, а спустя уже несколько минут ехала в машине такси. Таксист попался тактичный, подтверждением чего являлось хотя бы то, что он ценил тишину и личное пространство, продемонстрировав это сразу же после шаблонных фраз про погоду. Пока они ехали к вокзалу, Мия решила немного подкрасить губы. Спустя еще какое-то время она уже сидела в зале ожидания и попивала кофе. За окном так и рвался обрушиться с неба осенний дождь, и она почувствовала облегчение от мысли, что высокий вокзальный потолок в этом случае защитит ее. Вот она уже на полпути в Даунхилл, дождь все-таки не заставил себя ждать и не отказывал себе в желании прикоснуться ко всему, что попадалось ему на пути. Поезд был не особо заполнен.

«Видимо люди не так часто в будние дни ездят в этот город» – сделала для себя вывод Мия и погрузилась в книгу. Она нашла ее в какой-то подборке мини книг, которые советуют читать в дороге. На часах четырнадцать двадцать два и вот она уже спускается с лестницы вокзала. У нее в запасе еще два часа, чтобы успеть на обратный поезд. Ее выбор пал не на конечную остановку, а что поближе к адресу старика, который она узнала от него в телефонном разговоре. Снаружи, на удивление, было сухо и город не сильно отличался от, уже ставшим родным, Гринвуда. Пройдя пару кварталов быстрым шагом, стараясь особо не тратить драгоценное время на рассматривание домов и улиц, но все же из своей любви к новому, останавливая взгляд на любопытной архитектуре старых построек, она добралась до нужного адреса. Убедившись, что она на месте, принялась набирать продавца. Пара гудков и с той стороны отозвался знакомый хриплый голос:

– Слушаю.

– Добрый день, я вам звонила сегодня. Я по поводу того самого человечка, мы с вами договаривались.

– Армстронга? Да-да, я помню.

Армстронга? Почему он назвал именно это имя? Ведь Рик называл так свою игрушку. Из водоворота этих мыслей ее вернул на место голос старика, уже успевшего запереживать из-за ее молчания.

– Ой, простите. Я задумалась... О своем. В общем, я приехала по сказанному вами адресу.

– Хорошо, дитя, я сейчас выйду к двери, пару секунд.

Она убрала телефон и не самым быстрым шагом начала подходить ближе к входу. Дом немного напоминал ей тот, из которого она выходила еще сегодня утром. Но было видно, что его давно не обновляли. Немного не убранный дворик, засыпанный опавшими листьями, запылившийся диван на веранде, немые окна – все наводило на мысль, что старик давно одинок, может вдовец. Прерывая ее мысли, из двери вышел пожилой, на вид лет семидесяти, худощавый старик, одетый в рубашку, заправленную в брюки, и теплый жилет.

– Заходите, моя хорошая, – сказал он сходу.

– Здравствуйте, нет, большое спасибо за предложение, – как можно вежливее отказалась Мия.

– Ну, как хотите. Ой, погодите, а самое главное-то я и забыл, – с этими словами он немного нерасторопно развернулся и вновь удалился в дом. Мия почему-то почувствовала жалость к старику, но почему она не могла понять. Быть может из-за ее догадок насчет одиночества, или же просто так, по непонятным причинам, что тоже любил проворачивать ее, очень мягкий, и в тоже время немного волевой, характер.

– Вот он, даже коробка сохранилась. Как видишь, игрушка все еще свежая, я ее особо то и не трогал, купил еще в те давние времена, когда... – старик запнулся, будто всеми силами сдерживал что-то очень резкое, мучительное, пытающееся вырваться из него. Возможно, это был блик от солнечного света, но Мие почудилось, будто у старика блеснула слеза. От этой мысли ее сердце сжалось еще сильнее.

«Держи себя в руках» – повторяла она в голове.

– Вам не обязательно продолжать, – выдавила Мия, пытаясь хоть как-то заполнить эту давящую паузу.

– Нет, думаю, я должен вам высказаться, уж простите старика, но я буду вам очень благодарен, если вы уделите мне внимание и выслушаете.

– Я буду рада, если это хоть сколько-то облегчит вашу боль.

– Спасибо тебе дитя. На самом деле, я не продаю Армстронга, а поставил такую высокую цену, чтобы найти человека, которому он действительно нужен. Когда-то давно у нас с Мартой был сын – Остин, которого мы любили больше, чем кто-либо любил кого-либо. Мы его слишком избаловали, он перестал нас совсем слушаться и в шестнадцать лет просто ушел из дома. Мы искали его, где только могли и как только могли. Нашему горю не было предела, и время никак не хотело идти на уступки и дать нам смириться. Пока в один момент, спустя долгие шесть лет он не оказался у нашего порога, весь в страхе и исхудавший, словно тень самого себя. Мы его впустили, привели в порядок, и он рассказал нам долгую историю, которая многое перевернула в нашей с Мартой жизни. И была там одна важная деталь – его подружка от него забеременела. Он нам поведал, что сбежал оттуда, и так как ему больше некуда идти, то пришел сюда. Стоит ли говорить, насколько сильно мы были шокированы. Остин продолжал говорить про какие-то деньги на аборт и прочий бред, однако его остановил раздавшийся грохот от свалившейся в обморок Марты. Я как можно скорее позвонил в скорую помощь, мы ее увезли, и я обещал Остину обсудить это попозже. Но разговор был отодвинут еще на более неопределенный срок, потому что результаты Марты меня просто опустошили – обнаружился рак, и ей было суждено прожить не больше года, в лучшем случае – полтора. Я не знал, что мне делать, о чем думать, где найти силы, чтобы принять это. Несколько дней я так и проходил отрешенным от всего, без возможности видеть либо слышать, просто погруженный в пустоту. Наконец, я вспомнил, что обещал сыну решить его проблему, все равно мне надо было как-то отвлечься, ведь от моего страдания Марта все равно бы не вылечилась. Пока она лежала в больнице под наблюдением врачей, я, будучи уже дома, подозвал к себе Остину и попросил все как можно более внятно рассказать. Оказалось, что последний год он жил с ней. Познакомились они на какой-то символической вечеринке с наркотиками, где нет места людям с моральными ценностями. Имени ее он так и не назвал, да и я не особо хотел его знать, раз уж мне не пришлось в голову спросить. Затем они уединились и, эм... – возникла неловкая пауза.

– Вы хотели сказать, занялись незащищенным сексом? – улыбаясь, спросила Мия.

– Да, да. Точно. Вот. В принципе, как и следовало ожидать, на следующее утро Остина уже не было дома, и с тех пор от него нет никаких новостей. А девчонка та сама пришла к нам, сказала, что ее подружка давно знала Остину, где он вырос, жил и так далее. Начала требовать какие-то деньги. Естественно, мы не собирались идти у нее на поводу и сразу поставили перед ней определенные условия, закрепив все присутствием юриста. Будучи поставленной в угол, ей ничего не осталось, кроме как согласиться.

– Будете сигарету? – спросил старик, достав пачку из внутреннего кармана жилета и протягивая ее Мие.

– Нет, спасибо, – ответила Мия, стараясь делать все ради того, чтобы ее ответ прозвучал максимально дружелюбно.

– Ну, так вот, – начал продолжать свой рассказ старик, закуривая сигарету.

– Я одно время ходил злой на Остина, что он так нагло ворвался в нашу жизнь, где мы с Мартой еле-еле научились жить без него, довел мою любимую жену до смерти, причем, наступить которой, было суждено постепенно, словно желая продлить наши с нею мучения. Я думал, что ни за что не прощу его за такое поведение, да и не мог понять, как мы умудрились воспитать такое чудовище. Но вскоре настал день родов. Был самый обычный день: я стриг газон, а Марта лежала за телевизором, когда она, встав возле входной двери, окрикнула меня, держа в руках телефон. Не прошло и пяти минут, как мы на такси ехали в больницу. Мы оба молчали о чем-то своем, и вдруг я понял, насколько сильно я был зол и полон ненависти в эти месяцы, что даже не придумал имени своему внуку. Мне стало так стыдно, так не по себе, что навернулись слезы на глазах, и я понял, что я все это время был хуже Остина, которого так ненавидел. Я наполнился раскаянием, и в тот день я простил своего сына. Я понял, что был ведом злобой, позволил себе подчиниться этому чувству, и чуть не лишился себя. Мои мысли прервал голос таксиста, который сообщил нам о прибытии в точку назначения. Расплатившись, мы, насколько могли себе позволить быстро, отправились в больницу... – старик вдруг запнулся, – ам, простите старика, что забыл спросить. Я вас не задерживаю? Вам не стоит стесняться, говорите, ведь у каждого человека есть свои дела.

– Нет, что вы, даже не забивайте себе голову подобными мыслями. Я, наоборот, с большим удовольствием слушаю вас. Вы меня мало знаете, но я понимаю вас, что вы чувствуете. Никогда и никому не пожелаю испытать подобного. Я горжусь вами, у вас огромное и мужественное сердце.

– Спасибо вам, дите, эти слова много для меня значат. Я долгое время нес в себе эту боль, спасибо вам еще раз, что согласились разделить ее со мной. И если вы не против, то я продолжу свой рассказ. Так вот, мы отправились с моей супругой в больницу. У входа сидела очень милая, но уже уставшая девушка, у которой мы и узнали, в какой палате родился наш внук. Не буду обо всем рассказывать подробно. Скажу, что имя мы дали ему Киран. В честь моего покойного дяди, который был мне ближе отца, но это уже отдельная история, – тихо рассмеялся старик.

– Когда Кирану только исполнился год, скончалась моя супруга и его бабушка – Марта. Мне до сих пор тяжело с этим смириться, но, пожалуй, не буду вас грузить этими мыслями. Тем временем, Киран рос, его шаги становились все увереннее, а слова более четкими и понятными. Мы часто играли с ним, гуляли, я водил его с собой на охоту, рыбалку. Он стал для меня ближе и роднее, чем даже был мой сын. Благодаря ему я меньше страдал от потери своей жены. В один момент... простите... – он отвернулся, быстро вытер глаза платком.

– Простите меня, не знаю, может возраст берет свое, но мне сложно без слез вспоминать это.

– Мне очень жаль, я вижу, какую боль доставляют вам эти воспоминания. Вы уверены, хотите рассказать все до конца? Мы можем остановиться в любой момент.

– Нет, мне нужно высказаться. Мне нужно отпустить все это. Вы меня простите, что заставляю вас все это слушать.

– Успокойтесь, вы не заставляете меня. Я буду очень рада, если это хоть сколько-то поможет зажить вашим ранам.

– Спасибо вам. И вот, в один момент, он выбежал на улицу поиграть, ему тогда было четыре года, уже можно сказать пять, там оставалось буквально пара недель. Район у нас был безопасный, поэтому я не придавал этому особого значения, к тому же, выбегал он не в пер-

вый раз. Да и Киран еще ни разу не заставил меня переживать по этому поводу. Я занимался своими делами на кухне, выглянул в окно, и, убедившись, что он носится с Армстронгом по лужайке, отправился на задний двор; надо было привести кое какие вещи в порядок. Когда я был занят, я имел привычку полностью сосредотачиваться на деле, поэтому лишь спустя час-другой, вернувшись в реальность, я понял, что во дворе слишком тихо. Стараясь отгонять растущее внутри беспокойство по этому поводу, я как можно скорее добрался через дом на лужайку, осмотрелся, и, убедившись, что по близости его нигде нет, уже не на шутку запаниковал. Словно стена между безумием и разумностью, в голове стояла фраза «все хорошо». Однако не прошло и пяти минут, как я бегал вокруг дома и вдоль дороги, и меня понемногу начало парализовать чувство одиночества и глубокой тоски. Я просто сел посреди дороги, не имея сил больше ни на что, и тихо зарыдал. Я понимал, что еще есть возможность его найти, что, быть может, он просто куда-то далеко отошел, но что-то мне подсказывало, что прощаемся мы с Кираном навсегда. Я не успел заметить, как вдруг сзади подошла моя соседка, с удивленным лицом посмотрела на меня и предложила помощь. Я ей все рассказал, вместе мы вызвали полицию, заполнили все как следует, и принялись ждать. Никаких зацепок, абсолютно ничего, будто нечто просто поглотило его и увезло в какой-нибудь любой другой мир. Они не нашли ничего. Они не нашли Кирана. Вот я и остался один. Впрочем, я привык терять близких себе людей, знаете Мия, как бы мы не любили жизнь, нашей любви к ней мы обязаны присутствию близких нам людей рядом. И чем меньше их становится – тем меньше становимся и мы в этой самой жизни. Они словно забирают часть нашей души, сердца, оставляя нам пустые бесчувственные тела. Я думал, как было бы хорошо, если бы я умер вместо них, но знаешь, тогда ведь страдать пришлось бы им, и после данного прозрения, я понял, что эта жертва стоит того, чтобы ее принять. Остается лишь надеяться, что они вместе в более лучшем мире, чем тот, где все меньше и меньше остается места для чувства, на котором этот мир и держится – то есть любви.

– Да, у меня просто нет слов. Ваша история, простите, мне не хватает ни слов, ни мастерства, чтобы передать вам свои эмоции. Мне очень жаль, что все так сложилось.

– Все хорошо, дитя. Ох, прошу прощения, я стольким обременил вас, что позволил себе забыть представиться – звать меня Абрахам.

– Мне очень приятно познакомиться, Абрахам. Меня зовут Мия.

– О, Мия. Не часто встретишь это имя среди нынешней молодежи. Ваши родители, должно быть, называли вас в честь кого-то.

– Возможно, но я была слишком маленькой, когда их не стало, и не успела узнать.

– Ох, простите.

– Все хорошо. Вам не нужно извиняться. Думаю, что мне повезло больше, чем многим. Просто наверно лучше, когда это происходит в возрасте, в котором ты еще ничего толком не понимаешь. Намного тяжелее прощаться с человеком, привязавшись к нему. Ладно, покажете человечка?

– Точно, я и забыл, зачем мы вообще здесь собрались, – улыбнулся Абрахам.

– Думаю, стоит рассказать, что единственное оставшееся после Кирана на той лужайке, это и был Армстронг. У него их было два: одного он любил носить в своем маленьком рюкзаке, а второго в руках. Один так и остался с ним, где бы он сейчас не находился. А цену такую высокую я поставил специально, чтобы определить того, кому он действительно нужен. Да и если быть честным, я до последнего надеялся, что в один день Киран прочтет это объявление и придет купить его, сколь наивной бы эта мысль не была. И тяжело прощаться с ним, но пока я этого не сделаю, я останусь навсегда жить в прошлом, – сказал Абрахам, зачем-то при этом опустив взгляд на выпирающую из кармана прозрачную упаковку с капсулами, изумрудного цвета...

– Вы собираетесь уезжать? – спросила Мия, увидев объявление о продаже дома. Абрахам, проследив за взглядом Мии понял, откуда она сделала этот вывод.

– Вы про это? Да, мне здесь все напоминает о них. Если стены, впитавшие в себя воспоминания о Марте, мне еще удалось закрасить, создав новые с Кираном, то боюсь, сейчас я бессилен. Реальность тут стала для меня словно лестницей в события прошлых лет. Думаю, что этот шаг, который, пожалуй, будет последним в моей жизни, станет для меня хоть немного освобождающим от всех этих душевных терзаний. Кстати, я ведь так и не договорил, Армстронга я отдам вам бесплатно, как и планировал изначально. В деньгах я не нуждался, но нуждался в вас, в вашем понимании, в сердце, что впустит в себя эту историю и запомнит ее. Теперь я уже не чувствую себя таким одиноким, непонятым. Спасибо вам большое, если бы вы только знали, как сильно вы повлияли на мою судьбу, просто дав понять, что есть еще на этом свете люди, в которых остался гореть огонь.

– Ух ты. Я, честно сказать, немного ошеломлена. Это вам спасибо, что открылись мне и перестали держать все это в себе. Сколько смелости нужно иметь, чтобы вот так излить душу девушке, которую видите впервые. Даже не знаю, смогла бы я поступить так же.

– Знаете, Мия. Наш мир настолько полон парадоксов, что порой первый встречный заслуживает большего доверия, чем самый близкий для вас человек. Хотя бы тем, что ему просто нет до вас и до ваших тайн дела. Такому человеку нет смысла использовать это против вас, распространять, судить вас.

– Кажется, я понимаю, о чем вы, – на лице Мии застряло одновременно и удивление, и некоторое удовольствие от внезапного открытия для себя такой простой, и одновременно такой глубокой, истины. Она просто обожала парадоксы и философию, и порой испытывала нечеловеческое удовольствие от подобных мудростей.

– С вами все в порядке? – спросил Абрахам, буквально выдернув Мию из какого-то, только ей известного, состояния, быть может, даже измерения.

– Да-да, я просто задумалась над вашими словами. Знаете, в них много мудрости, Абрахам. Простите, если это будет бестактным, однако, чем вы занимались еще до пенсии?

– Ох, дите, это были славные годы преподавания в местном колледже философии и социальной психологии. Сколько сил и эмоций я оставил в этом здании, с ума можно сойти. Я ведь, сначала сам там отучился, и Бог весть как меня туда понесло еще и преподавателем работать, – рассмеялся старик.

– Однако, думаю, совру, если скажу, что я сожалею. Я отдавался весь целиком этим наукам, и смею считать, что достойно прошел свой путь. Дети, которые прошли все курсы под моим руководством в конечном итоге превращались из маленьких сосунков, простите за выражение, во взрослых ребят, понимающих, если не саму жизнь полностью, то хотя бы на чем она стоит. А сейчас посмотришь на крупные города, стыдно становится. Ох, кажется, я забылся, простите, уже начинаю жаловаться на все, как моя соседка Николь, – улыбаясь, вновь потянулся за сигаретой Абрахам.

– Да уж, повезло вашим студентам. Мне было очень приятно с вами беседовать Абрахам. Однако, мне нужно еще успеть на обратный поезд. Сегодня особый день и хотелось бы не опоздать, сами понимаете.

– О, извините, что вторгаюсь в вашу личную жизнь, но позвольте спросить – это день рождения сына?

– Нет, что вы. Моего будущего мужа, – улыбнулась Мия.

– Хаха, у вас очень добрый жених, – сдерживая смех, ответил Абрахам.

– Это точно. Ладно, я побежала, с радостью осталась бы еще, но сами понимаете, – улыбнулась Мия, глядя старику в глаза.

– Да, счастливо. Рад был знакомству!

– И я была рада знакомству с вами, – ответила Мия, оглядываясь и постепенно отдаляясь от старика, который так и остался стоять, опираясь одной рукой об столб, а другой – наслаждаясь сигаретой.

– Черт, – подумала Мия, спустя несколько минут после прощания – а Армстронга то я забыла.

Быстро, почти бегом, Мия направилась вновь в сторону старика, который как раз уже подходил к входу в свой дом.

– Мистер Абрахам. Мистер Абрахам, постойте!

Старик оглянулся и понял, в чем дело.

– О, кажется, вы забыли то, за чем приезжали. Да и я конечно молодец, взял и сам забыл. Вот, держите, – протянул ей коробку с игрушкой Абрахам.

Она взяла в руки коробку, с названием бренда серого цвета посередине. Немного повертев ее, решила открыть и увидела саму куклу, завернутую в пленку. Кукла не отличалась сильно дизайном от других таких же, но что-то волшебное и притягательное было в этой игрушке. Лишь теперь, держа ее в руках, она поняла, что провернула это все не зря. Немного воодушевившись покупкой, она поспешила отдать ее стоимость. Старик запротестовал, будто она предложила ему взять в руки раскаленный кусок металла. В конечном итоге, Мия сдалась, и, сказав напоследок немного добрых слов, поторопилась попрощаться.

Со странными чувствами она шла в сторону вокзала, совсем не такими, которые она испытывала, еще когда только шла сюда. Раздумывала о покупке, о Рике, который наверняка сейчас сидит за столиком и занимается своей рутинной работой, о которой она толком еще ничего не знает, кроме того, что она связана с программированием. Ей стало немного стыдно от мысли, что она даже ни разу не интересовалась, чем конкретно он занимается.

«Не думает ли он, что мне это не интересно? Но если у него возникло такое предположение, он окажется прав, потому что она у него совсем не заботливая. Могла бы хоть раз поинтересоваться, что я сегодня и сделаю» – решила она для себя. Выключившись из монолога в голове, Мия решила приостановиться на секунду и начала осматриваться. Вокруг все куда-то стремятся. Мужчина увлеченно разговаривает по телефону, на другой стороне, почти у тротуара сидит бродяга и с каждым прохожим теряет веру в щедрость человечества. Только что мимо нее прошла парочка, совсем как они с Риком, и завернула в какое-то заведение. Подойдя ближе Мия обнаружила, что это довольно уютная кафешка. При одном только, еле доносящемся запахе омлета, вспомнила, как сильно она успела проголодаться, и немедленно вступила за порог. Кафе представляло собой довольно современное, небольшое помещение, обставленное мягкой кожаной мебелью салатного цвета, что приятно сочеталось с белыми столами и зелеными стенами. Она решила занять место возле окна, и почувствовала облегчение, буквально упав на мягкий диван. Сняла с себя пальто, аккуратно положила его на маленькое кресло справа от себя, и стала дожидаться, пока к ней подойдет официант. Долго ждать не пришлось – в ее сторону двигалась молодая девушка, судя по возрасту, возможно, подрабатывающая студентка колледжа, не исключено, что того самого, где когда-то преподавал Абрахам.

– Добрый день, вижу, вы у нас впервые? – начала разговор девушка и протянула меню. – Могу я вам посоветовать наше сегодняшнее куриное жаркое к обеду, или грибной суп?

– Аа, так, давайте я сначала посмотрю меню. Подождете пару минут, пока я пробежусь взглядом по нему?

– Да, конечно. Кстати, можете обращаться на «ты», если вам так удобней.

– Хорошо. Когда я стояла у входа, отсюда доносился очень аппетитный запах яичницы, он есть в меню?

– Да, вот он, – указала она пальцем на яичницу с беконом. – Советую к нему кофе, потому что он у нас просто отменный.

– Думаю, глупо отказываться от такого предложения, – улыбнулась Мия официантке.

– Ладно, погодите пару минут, и я вернусь уже с едой на подносе.

– Окей, кстати, я чувствую, как старею на несколько лет каждый раз, как ты обращаешься ко мне на «вы».

– Хорошо, я это исправлю по отношению к тебе, – улыбнулась официантка, и направилась в другое помещение.

Это был просто шикарный омлет. Насладившись им сполна, Мия расплатилась, при этом еще и оставила немного чаевых милой официантке, и, надев пальто, вышла наружу. За то время, что она сидела в кафе, погода немного переменялась: заморосил холодный дождик. Ей не хотелось оставаться под ним ни единой секунды, и она чуть ли не бежала в сторону вокзала, попутно лавируя на узком тротуаре между редкими прохожими.

Оставалось еще минут пятнадцать до обратного рейса, когда она добралась до вокзала, но ей хотелось провести в этом городе больше времени, нежели позволяли ей обстоятельства. Было что-то привлекательное в этом небольшом, до боли обычном, месте. Однако сегодняшний день был не самый подходящий, чтобы побыть здесь еще хотя бы одну дополнительную минуту. Поэтому взяв кофе, Мия уселась по удобнее на скамье в полупустом зале, и снова достала из сумочки коробку. Повертев ею вновь, поборов желание вытащить Армстронга на волю, она убрала ее обратно в сумку и принялась ждать. Уже почти стемнело на улице, когда она была дома и принялась накрывать стол. По дороге обратно она успела прикупить вкусностей: это был, конечно, праздничный торт, дорогое шампанское, кое-что из готовой еды, ибо приготовить она никак не успевала, несколько бутылок пива и чипсов, чтобы удобно упасть на диван и закончить день просмотром их любимого фильма, который показывали еще в приюте. Всего несколько минут, и он будет здесь. Закончив с приготовлениями, Мия символично выключила свет, уселась на диван и принялась ждать, глядя на входную дверь. Звонить она ему принципиально не стала, дабы не испортить момент. Да и не поздравляла его еще за сегодня. Вновь погрузилась в раздумья, что он наверняка и не подозревает, где она сегодня была, как провела свой день. Наверно думает, что она весь день была на курсах, ведь ему неоткуда было знать, что та специально за день договорилась в учебном заведении о своем отсутствии. Затем решила предугадать его удивление, когда он обнаружит открытую дверь и выключенный свет по всему дому. Взглянула на часы, половина седьмого, вроде бы уже должен был прийти, скорее всего, задержали на работе, ведь у него была привычка сразу после работы идти к самому близкому ему человеку, то есть к ней. Начала думать о дальнейших планах. Она еще толком не выбрала, чем будет заниматься после курсов. Хотела попробовать себя в должности психолога, но также видела себя помощником юриста. Не то чтобы у нее был талант, нет, но она четко знала, что трудолюбие и желание позволяет достигать любых высот. Чуть ли не каждый день сравнивала плюсы и минусы каждой деятельности, но так и не получалось склонить чашу весов в чью-либо сторону. Вновь вспомнила про подарок, что забыла купить праздничную ленту. Слегка расстроилась, но голову посетила великолепная, как ей показалось, идея. Выглянув на улицу и не увидев нигде его силуэт, достала из шкафчика со столовыми принадлежностями маленький ножик и принялась аккуратно выгравировать его инициалы. Р.К. Рик Кайлар – так расшифровывались эти маленькие, еще не полностью запечатленные на предплечье Армстронга, будто татуировка, буквы. Кайлар не являлась его настоящей фамилией, ибо родителей своих он не знал. Его нашла на своем крыльце подруга Оливии. Испугавшись, и не зная, что делать с малышом, сразу же набрала Оливию. Та, еще спросонья, не веря своим ушам, набрала такси и уже через десять минут стояла на крыльце дома, не решаясь позвонить. Она имела опыт в обращении с детьми, но все равно страх перед неизвестностью парализовал ее.

«Стоило бы сразу позвонить в полицию, вдруг малыша уже давно обыскали» – подумала она про себя. И эта мысль заставила ее позвонить в дверь. К двери вышла уже немолодая женщина, которую Оливия давно знала. Пошла за ней в квартиру, позвонили в полицию и уже через полчаса здесь стоял офицер. Еще день спустя узнала, что о младенце ничего не известно,

а заявлений о пропаже так и не поступало. В одну бессонную ночь очень долго думала обо всем этом: как все произошло, почему его подложили именно к ее подруге, кем были его родители, и дала себе слово, что возьмет ребенка в приют, где она была управляющим. С раннего утра начала бегать собирать всякие справки и оформлять документы. Она уже имела опыт в таких вопросах, но, несмотря на это, ей понадобилось ровно четыре дня на то, чтобы все закончить и она, с младенцем в руках, стояла у входа в приют. Самое сложное было придумать имя. Порой некоторые семьи месяцами бьются над этим вопросом, а ей дали лишь горстку дней. Она решила дать ему фамилию своей матери – Кайлар. Но вот имя никак не хотело приходить в голову. Ей хотелось переложить эту ответственность на кого-то другого. Почему-то она всегда считала, что имя определяет судьбу человеку, и из этого сделала вывод, что будет сегодня ждать знак. Он долго не приходил, но уже под конец дня к ней в дверь постучались. Глянула в глазок. За дверью стоял, совсем юный парнишка в рабочей форме. Видимо курьер, решила она и отворила дверь.

– Добрый вечер, мисс, у меня посылка для Рика, вот, возьмите и распишитесь на этой бумаге вот здесь, – указал он на прочерк, слева от имени Рик.

– Вы, скорее всего, ошиблись, молодой человек. Здесь нет ни одного Рика.

– Так, погодите. Вот ваш адрес, смотрите, – показывал он пальцем на документе, – вот имя получателя – Рик. Все правильно.

– Я вам еще раз повторяю, здесь какая-то ошибка. В этом доме не проживает человек, с именем Рик.

– Вы уверены в этом, мисс?

– Ты держишь меня за идиотку, парень? – рассердилась на него Оливия, чуть ли не до покраснения. – Говорю тебе, у вас там ошиблись.

– Ладно, простите пожалуйста. Скорее всего, так и есть. Но посылку я вынужден оставить. Еще раз простите за беспокойство, всего вам доброго, – пребывая немного в недоумении, быстрым шагом парень удалился, оставив ее с небольшой коробочкой и таким долгожданным знаком.

Все еще в некотором раздражении провожала она его взглядом, пока до нее не дошло: курьер утверждал о том, что в этом доме живет Рик с такой уверенностью, что дожди он ее еще чуть-чуть, и она бы согласилась с этим. На его листе было написано, что посылка предназначена Рик, и, какого-то черта, ее адрес. Но она всегда жила здесь одна, и ни разу такой ошибки не произошло, пока у нее в этот момент не появился здесь малыш. Рик. Что это, если не знак? – задалась вопросом Оливия, и проблема с именем была решена. Это имя ему выбрала судьба, случай или совпадение. Не так уж и важно, главное это была какая-то высшая сила. Размышляя над всем этим, она принялась открывать коробку, и к своему удивлению, обнаружила там резинового тянущегося человечка, и рядом записку. На ней, неаккуратным почерком, было написано: «Рик, вот он, твой Армстронг. Держи его всегда с собой, и помни, что ты не одинок». Немного шокированная всем происходящим, Оливия решила, что когда Рик подрастет, расскажет ей про этот случай, чтобы подарить ему надежду. Надежду, которая необходима каждому человеку, чтобы не угаснуть.

Внезапный телефонный звонок напугал Мию, погруженную в воспоминания истории, рассказанной ей с Риком, Оливией, и вернул ее в реальность. Это был Рик. Потратив мгновение на просмотр времени подняла трубку.

– Привет, Рик. Уже без десяти девять, у тебя все в порядке?

– Привет Мия, все отлично. Я как раз только что все закончил и уже стою на автобусной остановке. Потерпи еще полчаса, родная, хорошо? Обещаю, такого больше не повторится. Кстати, сколько моргов и больниц успела обзвонить?

– Морги пока не стала, но заказала тебе отличный гроб в этих ритуальных услугах, которые активно рекламируются в утренней газете, так что у тебя есть полчаса, иначе...

– Хах, понял, видимо, мне еще рано умирать, потому что автобус уже подъехал. Все, целую, пока.

– Пока. Передавай привет своему анге... – не успела она договорить, как Рик уже успел скинуть трубку. Теперь она хотя бы знала, сколько минут спустя он придет...

Рик сел у окна, и уже, наверно, в тысячный раз наблюдал за пролетающими мимо зданиями, смешавшими в себе несколько эпох. В этом городе он до сих пор оставался гостем, хоть и успел прожить здесь целый год. Не будь он таким зажатым и безынтересным к окружающим его людям, проводил он больше времени среди скопления людей и предпринимал бы хоть какие-то попытки завести друзей и знакомых, кто знает, может быть уже стал бы здесь своим. Но, как и сейчас, ему было интересно лишь одно: заработать денег, приспособиться, чтобы твердо стоять на ногах и двигаться вверх по ступеням карьерной лестницы. Не столько ради себя, сколько ради Мии и их совместного будущего. В отличие от тех парней, поступающих в колледж и затем работающих в более престижных фирмах, нежели он, у него не было родных, которые бы вкладывали в это почти все силы и ресурсы. И становилось куда сложнее соревноваться с ними, по крайней мере, времени и усердия требовалось больше. Но в отличие от них, он владел большим сокровищем, которое давало ему фору – мотивацией. Человек, не представляющий себе сценария развития событий, где кто-то его устраивает в жизни или хотя бы помогает в этом, намного лучше понимает, сколь важно каждое его действие. Насколько важны труд и время на пути формирования себя. Знает цену жизни. Честно признаться, он мог в любую секунду позвонить своему немало близкому человеку, Оливии, которую он считал своей тетей, и заручиться поддержкой. И было бы неправильно по отношению к ней, ставить крест на таком понятии, как родственники. Но эту возможность он оставлял на крайний случай. Вспомнив о ней, Рик сильно пожалел, что уже около месяца не созванивался с ней, хотя бы просто поинтересоваться, как у нее дела.

Рядом из всех сил пыталась заставить свой телефон отправить сообщение пожилая женщина, и у него промелькнула мысль помочь ей. Однако мысль эта не привела к действию просто потому, что автобус остановился напротив его остановки. Взяв сумку с ноутбуком и закинув ее за плечо, он поторопился выйти, как только открылись двери. На улице было уже темно, но путь ему освещали ночные фонари, расставленные вдоль всего тротуара. Сейчас было намного прохладней, чем утром, и он пожалел, что не оделся теплее, хоть и идти было не более нескольких минут. Превозмогая холод, он еще немного постоял, провожая автобус, и двинулся в сторону дома, где ждала его Мия. Он был не одинок на этой улице; впереди шел укутанный в несколько слоев толстовок и курток, подросток. Он не пропадал из вида до тех пор, пока Рик не стоял уже напротив своего дома. Внутри было темно и это нагоняло тревогу, которую он отгонял мыслью, что Мия, наверно, уже легла спать, так и не дождавшись его. От этого ему стало немного грустно, ведь сегодня был день его рождения, который они привыкли отмечать вместе.

«Наверно я сам виноват, не следовало так долго задерживаться на этой мудацкой работе» – подумал он. «Я итак большую часть дня провожу там, в окружении так и не ставших родными мне людей, но такого больше не повторится, пусть делают с этим что хотят».

Тревога усилилась, когда дверь оказалась незапертой.

«Здесь явно что-то не так» – промелькнула мысль в голове Рика. Медленно открыв дверь, которая не издавала скрипов, как принято в фильмах ужасов, он не торопясь зашел внутрь. Было темно, хоть глаз выколи, и Рик, чуть было не опрокинул себя на пол, ударившись коленом об стул.

«Зачем Мия поставила стул у входа?» – со злостью подумал он. «Надо бы включить свет...»

– Сюрприиииииз!!!!

– Твою мать! Господи, Мия. Я чуть было не оставил этот мир в тот же самый день, в котором появился на свет. Зачем же так пугать старика? – еще до конца не осознав, что произошло, попытался отшутиться Рик.

– Эй, дедуля, иди сюда, – обняла его Мия, при этом крепко прижав к себе. – С днем рождения тебя, милый. Здоровья, счастья... Шучу, желаю тебе оставаться таким же веселым, целеустремленным, чтобы судьба всегда подкидывала тебе возможности. Не хочу говорить этой банальщины, поэтому скажу то, что желаю тебе сильнее всего: быть любимым – мной, нашими будущими детьми, друзьями, удачей. Я люблю тебя, – у нее упал голос, и глаза наполнились слезами, говоря это. Ей, ровно так же, как и ему, не повезло узнать, каково это быть любимым родителями, близкими. И говоря о детях, представила просто на миг, что будет, если и им придется осиротеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.